

ПОЧЕМУ БЫ НЕ ПОМЕЧТАТЬ?

Телерубрика «Этот фантастический мир» появилась на экранах в 1979 году. Ее появление не прошло незамеченным — школьники писали письма, присылали рисунки, были отклики в прессе... Недавно был показан очередной, десятый выпуск «Этого фантастического мира».

Что же произошло с передачей за шесть лет, доказала ли она свою жизнеспособность, утвердился ли за ней регулярный выход в эфир?

Сейчас передача резко изменила лицо. Первые ее выпуски были связаны объединяющим сюжетом — заблудившийся инопланетянин пытался с помощью московского школьника Адели и полки с книгами отыскать потерявшуюся родину. В такой рамке демонстрировалось несколько театрализованных отрывков из фантастических произведений, а зрителям предлагалось отгадать, что это за произведения. Подrostком было, наверно, приятно ощущать себя знатоками фантастики, так как тесты были трудными, но, с другой стороны, коротенькие отрывки (их было несколько — иначе не поучилась бы викторина) ставили перед режиссерами, пожалуй, невыполнимую задачу — создать за короткое время нечто цельное, художественное и запоминающееся. В результате быстро появилась и оформилась тяга к созданию за то же, не щедро отпущенное время одной, но крупной авторской постановки. Так была осуществлена инсценировка повести К. Булычева «Похищение чародея», рассказа Р. Брэдбери «О теле электрического пою», и в последнем выпуске два произведения были объединены сценаристом в единое представление. Звездный же путешественник на каком-то витке спирали выпал, ибо поиски им родной планеты выглядели несколько искусственно. Но помянем инопланетянина добрым словом, — несмотря на всю наивность функций персонажа, В. Сергачев играл его забавно.

Тут самое время сказать, что у передачи «Этот фантастический мир» с самого начала было и есть одно, несомненно, серьезное и важное преимущество: передача ведет дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко, и дело не только в том, что его вступительные слова, разбор читательской почты, его беседа на экране с писателями и учеными придают ей глубину и основательность. Сам факт присутствия в гостях у школьников знаменитого космонавта играет первостепенное значение. Между прочим, так ли много у нас телеведущих столь же популярных, как В. Песков, Н. Дроздов, Ю. Сенкевич, С. Капица, но адресующихся непосредственно к детям, к школьникам? Мне кажется, что Георгий Михайлович Гречко именно в этой передаче мог бы стать одним из первых друзей советских школьников, мальчишек прежде всего. Мог бы, если бы передача не была так редка. Но об этом после.

А пока предстоит оценить, что же лучше: как было или как стало, и какой она вообще может быть, эта передача? О преимуществах цельности я уже говорил, они очевидны, но все-таки была особая прелесть и в той игре, которая велась со зрителем в первых выпусках: в ее мозаичности, разнообразии, даже при всей ее наивности. Что поделаешь, фантастику трудно свести к одной, пусть даже главной функции, в данном случае — к воспитательной. Из нее одновременно можно извлечь еще множество мировоззренческих, познавательных, пропагандистских и всяких иных уроков, которые привлекут молодых зрителей, потому что они поданы с ярлыком фантастики. Фантастика — прекрасный «космодром» для разговора со школьниками о самых серьезных философских материях. (Что, между прочим, и было сделано в десятом выпуске при беседе Г. М. Гречко с известным советским политологом Г. Х. Шахназаровым — об утопии и антиутопии, о путях человечества в будущее, о тупиках, к которым подводит бездуховность...)

Нет сомнения, что ту часть передачи, которую ведет Г. М. Гречко, желательнее расширить, сохранить в ней все удачное от первых выпусков, например, конкурс ребячьих рисунков, лучшие из которых космонавт обещал передать на орбиту. Сводить программу просто к телеспектаклям вряд ли целесообразно.

Но, добавляя время к вступительной части, его ни в коем случае нельзя отнимать у счастливо найденной формы экранизаций — инсценировок. О фантастике можно сказать много, но убедительным это будет в том случае, если будет убедительной сама фантастика, что в свою очередь возможно, если мы подойдем к ней как к искусству. Еще и еще раз стоит подчеркнуть, что коль скоро мы выдвигаем фантастику в художественные ряды, то неизбежно в ее фокусе появляется человек. Этого решительно не понимают некоторые наши кинематографисты, предполагающие, что само по себе изображение звездолета или робота уже обозначает и исчерпывает принадлежность к фантастическому жанру. Разум можно поразить, скажем, часто встречающимися картинами художников-фантастов типа «Мир высоких энергий» или «Планета двух солнц», сердце — никогда. Фантастика исследует поведение человека в современном, стремительно меняющемся, воистину весьма фантастичном мире, она позволяет художнику поставить со своими героями любой мысленный эксперимент, но только тогда автор добьется успеха и признания, когда за самым небывалым антуражем его произведений будет проглядывать человеческая душа.

Из сравнительно недавних передач запомнилась своим произвольным лиризмом инсценировка рассказа Р. Брэдбери «О теле электрического пою» (режиссер В. Спиридонов). Отправная посылка — куда уж фантастичнее! Семья — отец и трое детей, оставшихся без матери, приобретает няньку-робота, электронный вариант Мэри Поппинс. На самом деле Бабушка, как дети называют эту красивую женщину (в ее роли артистка Э. Романаускене), никакой не робот, напротив, перед нами идеал доброты, верности, нежности. Самое невероятное здесь в том, что в реальной жизни, особенно в том мире, где живут герои, едва ли можно представить себе такое совершенство и такую самоотдачу, но велика тоска по идеалу, и, как перны современному человеку, современным детям эта любовь, это волшебство доброты...

Но фантастика весьма многообразна, и в последнем спектакле, названном «Знак Саламандры» (режиссер Т. Павлюченко), решаются совсем иные задачи: перед нами грозное предупреждение человечеству. Вряд ли есть необходимость подробно комментировать содержание широкоизвестного романа Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» и сходного с ним по идейной направленности рассказа Э. Лудвига «Маленький преступник», но это вовсе не означает, что инсценировка вторична или несвоевременна.

Более чем за тридцать лет со времени публикации замечательного романа Р. Брэдбери в мире были изданы сотни, тысячи антиутопий и романов-предупреждений, но, пожалуй, никому не удалось найти более смелого и более ужасающего образа духовного обнищания и даже озверения: пожарных, которые не тушат, а разжигают огонь, «скорую помощь», которая расправляется с книгами и их тайными владельцами. У Э. Лудвига нет пожарных с огнеметами, но сценарист В. Шитова, соединившая два произведения, не прорсчиталась, не нарушила внутреннего единства. Они из того же страшного города, мать и сын, совершившие самое злостное по тамошним понятиям преступление — тайком читавшие книги... Таким образом, рядом с брэдбериевским прозревшим пожарником Монтога (артист Л. Каюров) и противостоящим ему дичинным апологетом книжных костров Брандмейстером (артист Ю. Яковлев) встает судьба еще одной семьи, в которой выделяется по исполнению фигура Отца, чьи невежество и реакционность точно схвачены Ю. Богатыревым. Два произведения, две части спектакля удачно объединены концовкой — костром, над которым греют руки изгнанники Города, жгущего книги. Однако само их существование — свидетельство того, что затоптать искры разума не так просто.

Постановки, подобные «Знаку Саламандры», как-то проходят мимо яростных дискуссий о кино- и телеэкранизациях. На первый взгляд В. Шитова очень волюно обошлась с романом Р. Брэдбери, оставив лишь одну линию (выброшены, например, чудовищные телестены, поработившие жену главного героя), она объединила Брэдбери с другим автором. Значит ли это, что сценаристка обошлась с прозой недостаточно бережно? У тех, кто видел передачу, такого рода вопрос не возникает, потому что авторы постановки вовсе не собирались совершить невозможное — подменить книгу. Они обратились к приемам театра и кино, плаката (этот акцент спектакля, может быть, надо было и усилить), решая сходные с авторами литературного первоисточника задачи собственными средствами. Такой подход предполагает, что зритель, увидев передачу, потянется к книге, а не будет считать, что он уже прошел этот «урок».

Конечно, очень хорошо, что «Этот фантастический мир» время от времени продолжает появляться в телепрограммах, но десять выпусков за шесть лет слишком мало, чтобы передача стала постоянно действующим фактором, вошла в обиход школьника. Наверное, готовить ее трудно, но почему бы не помечтать (речь ведь о фантастике), чтобы она выходила хотя бы раз в квартал...

Кроме того, такая передача должна демонстрироваться не в часы, когда школьники готовят или, по крайней мере, должны готовить уроки, а попозже, когда они уже освободились от этого занятия. Нередко можно слышать, что слишком много телевидения — это плохо, особенно для неустойчивых детских душ. Да, наверное, если слишком — это действительно плохо, но когда я вижу подростков, которые бесмысленно проводят время на холодных скамейках дворов, у меня возникает подозрение, что мы предлагаем им слишком мало увлекательного и интересного, да еще в подходящий момент. А ведь фантастикой интересуется даже тот, кто больше ничем не интересуется. Это, конечно, проблема пошире, чем только телевидение. Ясно, что той гигантской педагогической перестройкой, которой сейчас занята наша страна, должна быть озабочена не только школа, что воздействие должно быть всесторонним и что в нем не может быть маленьких и неважных звеньев. А кто бы причислил к маленьким и неважным объединение таких мощных союзников — фантастику и телевидение?

Соб. рукопись, 1985, 18 апреля